

НЕЧИСТАЯ СИЛА
въ народныхъ вѣрованіяхъ.
(По даннымъ Смоленской губ.)

В.Добровольскій

Иллюстрация на обложке:
Иван Билибин «Водяной», 1934

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ I

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лъшій (Честной лъса) . 3

Водяной дѣдушка . 11

Русалки . 12

ОТДѢЛЪ I.

Нечистая сила въ народныхъ вѣрованіяхъ.

(По даннымъ Смоленской гув.).

Лѣшій (Честной лѣса).

— „Заблудились, — лѣсовой насъ водилъ!“

— „А какой онъ съ виду?“

— „Водилъ-то онъ насъ, водилъ, да не приказалъ намъ говорить о себѣ ничего“.

Но нынѣ сообщаютъ кое-что, хотя и неохотно, о наружности лѣшаго, объ его продѣлкахъ и образѣ жизни; наблюденія заблудившихся путниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ Смоленской губерніи носятъ различный характеръ.

Лѣшіе въ Порѣчскомъ уѣздѣ, по воззрѣніямъ мѣстныхъ крестьянъ, имѣютъ видъ людей здоровыхъ и мужественныхъ.

Ростомъ лѣшіе бываютъ съ лѣсъ, а силу имѣютъ необыкновенную.

Начальникъ лѣшихъ называется „Честной лѣса“, лѣсной царь; роста онъ огромнаго, на цѣлую голову выше лѣса, надъ которымъ онъ владычествуетъ, на рукахъ и ногахъ у него закрюченные когти, похожіе на собачьи; борода у него длинная сивая, носить онъ еѣ въ рукахъ.

Нѣкоторые видѣли лѣснаго царя съ бѣлой, длинной бородой, какъ сидитъ онъ спокойно въ лѣсу и громко посылываетъ, иной разъ онъ, при свѣтѣ луны, плететь лапти.

Могучъ и страшенъ „Честной лѣса“, и волю его слѣпо исполняютъ лѣшіе, начальники отдѣльныхъ частей лѣса. И царь лѣсной и подчиненные ему лѣшіе, однако, не имѣютъ власти за предѣлами своего лѣса.

Полагаютъ также, что лѣшій имѣеть видъ человѣка съ бѣлыми выпуклыми глазами; выраженіе лица у лѣшаго такое, какое бываетъ у сильно испуганнаго человѣка, когда онъ, по народному выраженію, „таращить свои бѣлмы“.

А то лѣсовикъ является людямъ въ видѣ обыкновеннаго сѣденькаго старичка, въ бѣлой одеждѣ; его можно узнать по тому, какъ онъ быстро растеть, удаляясь отъ человѣка, и дѣлается огромнымъ великаномъ.

Лѣшій—оборотень: существенная его черта—что онъ измѣняется въ ростѣ и принимаетъ различные образы: въ лѣсу лѣшій идетъ—онъ съ лѣсомъ равенъ, на лугу или въ полѣ идетъ—онъ съ травой и былинкой равенъ. А иногда онъ прячется подъ былинку, цвѣтокъ или листьевъ дерева; въ лѣсу лѣшій прячется въ дупло и подъ корнями вывороченныхъ бурей деревьевъ; вообще лѣшій примѣняется къ средѣ, его окружающей: является лѣшій и старичкомъ, и красной дѣвушкой, и красивымъ мужчиной, и звѣремъ, и птичкой, и увлекаетъ путниковъ за собой въ непроходимую чащу лѣса, изъ которой трудно выбраться.

Онъ гогочетъ, кричитъ дикимъ голосомъ, хлопаетъ внотомъ; иногда, не показываясь изъ чащи, зоветъ прохожаго по имени знакомымъ голосомъ; прохожій свертываетъ съ дороги и идетъ на голосъ, который удаляется все дальше и дальше въ глубь лѣса, пока не заведетъ его въ глушь—чащу непроходимую.

По народному мнѣнію, есть такія проклятыя мѣста, гдѣ непремѣнно человѣкъ блудитъ.

Иногда трудно бываетъ отойти отъ вывороти¹⁾, отъ срубленнаго дерева. Ходишь, ходишь и все возвращаешься на проклятое мѣсто: къ какой-нибудь кочевъ или вывороти, излюбленному мѣстопробыванію или логову лѣшаго. И мѣста-то, кажется, все знакомыя—какъ тутъ заблудишься? Одинъ крестьянинъ не могъ отойти отъ вяза, пока не броситъ срубленнаго имъ сука. „Видно, это дерево очень любилъ лѣшій“, рѣшилъ онъ.

Что же слѣдуетъ предпринимать, когда заблудишься, когда обойдетъ тебя лѣшій, или ты самъ попадешь на его логово и, вообще, овлечь тебя, одурманить нечистая сила?

А поступай такъ, какъ совѣтуютъ старички и старушки.

Переодѣнь что-нибудь изъ одежды вверхъ изнанкой, разуй лѣвую ногу и обуь правую, поверни свою шапку на изнанку

¹⁾ Сваленное бурей и вывороченное съ корнями дерево.

кверху или поверни ее козырькомъ назадъ; прочти, если знаешь, воскресную молитву три раза; вспомни, что наканунѣ Нового года варять свиную голову—этими средствами ты не дашь подшутить надъ собой лѣшему, который водить человѣка на самомъ краю лѣса и не даетъ ему узнать, къ какому онъ мѣсту вышелъ подлѣ селенія. А сердится на тебя придирчивый лѣшій за то, что случайно ты перешелъ его любимую тропу. Впрочемъ, иногда лѣшіе сбиваютъ съ пути тѣхъ, которые отправляются въ лѣсъ, не благословясь, т. е. не помолясь Богу; они также уводятъ дѣтей, оскорбившихъ мать и проклятыхъ ею въ полдень. Лѣсовые уносятъ по преимуществу мальчиковъ, лѣсовики дѣвочекъ. Женщинъ лѣшіе уводятъ, больше строитивыхъ и плохо живущихъ съ мужьями.

Что же дѣлается со взрослыми и дѣтьми, похищенными лѣсовыми и лѣсовиками?

Плѣненные лѣшимъ становятся невидимкою и странствуютъ съ лѣшимъ. Лѣсовой кормитъ ихъ губашечкой или труташечкой, поить луговой водой.

А добрый лѣсовикъ кормитъ плѣнниковъ баранками, орѣхами, пряниками, только даетъ въ мѣру, очень не балуетъ. По мнѣнію народа, что хозяинъ забудетъ или положить небрежно, то лѣсовой утащить—вотъ откуда у лѣсового берутся баранки и пряники, и пища человѣческая. Пряники лѣсового, принесенные въ обитаемое жилище, становятся труташками и лѣстями.

Лѣсовой водить свою жертву не только лѣсами и полями, но по городамъ и селеніямъ, по мѣстамъ хорошо извѣстнымъ заблудившемуся. Драматизмъ положенія сбившихся съ дороги и водимыхъ лѣшимъ заключается въ томъ, что они бывають близко около родныхъ, видятъ ихъ лица, слышатъ ихъ разговоры, бывають свидѣтелями безнадежной скорби; заблудившіеся сами проливають незримыя слезы и ноги у нихъ подкашиваются отъ сердечнаго горя. А между тѣмъ лѣсовой не позволяетъ несчастнымъ отеряться роднѣ, высказаться, хоть словечко промолвить, а развѣ только, и то въ добрую минуту, пройти около родныхъ, и „тирнуться краемъ одежды“.

Жизнь похищеннаго лѣсовымъ—совершеннолая. Кормитъ лѣсовой не часто, но зато дѣлаетъ невидимку свидѣтелемъ различныхъ житейскихъ сценъ-положеній, и при видѣ всего этого, въ поученіе заблудившемуся, лѣсовой дѣлаетъ свои выводы и поученія. Понятія у лѣсового такия, какъ у степеннаго домовитаго мужика. Вотъ нѣкоторые взгляды изъ этого до-мостроя.

По мнѣнію лѣсового, послѣ ужина слѣдуетъ молиться; ложиться спать надо, перекрестясь, и дѣтей на ночь надо перекрестить; слѣдуетъ быть аккуратнымъ и чистоплотнымъ и хозяину, и ховайкѣ. Муку для хлѣба надо просѣвать, съ хлѣбомъ рекомендуется обходиться бережно и съ особымъ почтеніемъ: утворя хлѣбъ, не мѣшаетъ процѣдить воду; хлѣбъ слѣдуетъ класть на столъ—отнюдь не на лавкѣ. Рекомендуется въ закромахъ накрывать зерно покрывшею, чтобы оно не заплылось. Если пища изготовлена вкусно и опратно, лѣсовой, пожалуй, отвѣдаетъ ее, отъ плохой пищи онъ отвернется, скривить свою морду—и уйдетъ.

Натура лѣсовика широкая и веселая, русская. Ему нравится веселый разгулъ ярмарки: гдѣ лѣсовой пройдетъ, тамъ живѣе торгъ идетъ, купцы наперебой сбываютъ товары, отъ задора дерутся даже—ради шутки лѣсовой сводить ихъ на драку.

Лѣсовой иногда принимаетъ близкое и непосредственное участіе въ скорбяхъ человѣка—онъ убавливаетъ больного ребенка, чтобы успокоить бодрствующую надъ нимъ мать и дать ей пріотдохнуть. Лѣсовой предвидитъ будущее, и напередъ судьба человѣка ему извѣстна; иной разъ онъ является въ роли предсказателя.

Долго, долго водить лѣсовой; иногда лѣтъ семь. И если онъ увелъ вслѣдствіе проклятія, то тогда только возвращаетъ ребенка родителямъ, какъ окончится срокъ проклятія и при извѣстныхъ характерныхъ обстоятельствахъ. Разъ въ полдень мать прокляла дочь; черезъ это проклятіе дочь ея сдѣлалась невидимой и семь лѣтъ странствовала съ лѣшимъ. Мать, между тѣмъ, усердно молилась Богу о возвращеніи дочери и вела относы¹⁾ лѣсовымъ. Родители уже совсѣмъ потеряли надежду найти дочь. Разъ они были въ кабакѣ. Отецъ предлагалъ матери выпить стаканъ водки, а она все отказывалась и съ сердца выплеснула водку черезъ плечо—прямо въ глаза своей дочери, которая невидимо была въ кабакѣ и терлась вмѣстѣ съ лѣшимъ подлѣ своихъ родителей. Тотчасъ-же дочь перестала быть невидимой и появилась предъ глазами удивленныхъ и обрадованныхъ родителей.

Возвращенію лѣсовыми уведенныхъ ими жертвъ способствуютъ относы. Относы кладутся на перекресткахъ дорогъ, гдѣ собираются лѣшіе. Относомъ можетъ служить кусокъ сала, горшокъ съ кашей, хлѣбъ съ солью, а то бабы напекутъ блиновъ или

¹⁾ Объ относахъ см. далѣе.

пироговъ, завернуть эту сѣдъ съ солью въ чистую тряпочку, перевязать красной ниточкой, отнесутъ все это въ лѣсъ и положить на перекрестѣ лѣсныхъ дорогъ. Бабы, предлагая гостинецъ лѣсному царю, кланяются на всѣ четыре стороны, не крестясь, и говорятъ: „Честной лѣса, просимъ тебя: нашу хлѣбъ-соль прими, а нашего родного возврати“. Вѣрять, что послѣ этого относа лѣшіе перестаютъ водить заблудившагося. По мнѣнію крестьянъ села Даниловичъ, ельнинскаго уѣзда, освобождаются дѣти, уведеныя лѣшимъ, отъ дьявольскаго плѣненія, если не вкусятъ дьявольской пищи. Когда за унесеннаго младенца служатъ молебны, то бѣсы мучатъ его щиплютъ, „щекотать“, всячески тиранятъ и кормятъ углями и землей.

Унесенныя лѣшими дѣти, послѣ возвращенія, съ трудомъ привыкаютъ говорить и дичатся общества. Лѣшіе сами выносятся ихъ и бросаютъ на то мѣсто, откуда взяли. Придя въ сознаніе, дѣти рассказываютъ, что, во время плѣненія молебновъ, они были или въ лѣсу на деревьяхъ, или въ селеніи на крышѣ избы своего родственника. Возвращаются отъ лѣсоваго уведеныя имъ жертвы блѣдныя, худыя, съ лицомъ, поросшамъ мохомъ, въ одеждѣ, напоминающей „трипятинна или перяпиръ березы“. Если блудившіе хвораютъ какими-либо болѣзнями отъ голода, утомленія или страха, то родные для ихъ выздоровленія кладутъ относы въ томъ лѣсу, гдѣ они блудили. Часто пребываніе у лѣсоваго кладетъ особенный отпечатокъ: бывшіе у него отличаются особенною сосредоточенностью и серьезностью, и съ важностью передаютъ то, что видѣли и слышали. Многіе, наслышавшись отъ лѣсоваго всякой премудрости, становятся знахарями и знахарками и поддерживаютъ сношенія съ лѣсовыми, домовыми и всякой нечистою силой. Дѣвушки, жившія у лѣсовики, называются лѣсными дѣвками; по выходѣ замужъ, онѣ теряютъ свое знаніе и связь съ міромъ сверхъестественнымъ.

Лѣсовые запрещаютъ вернувшимся отъ нихъ рассказывать кое-что: напр., о своей наружности, о своемъ житѣ-бытѣ. Въ этомъ отношеніи ихъ рассказы напоминаютъ видѣнія обмиравшихъ. И обмиравшіе, и водимые лѣсовиками, рассказавъ многое, при этомъ прибавляютъ: „а одно слово мнѣ не приказано говорить“. Любопытство сильно подстрекается умолчаніемъ.

„Ну, сважи, сважи!“

— „Умру, не скажу. Ни за что въ свѣтѣ не скажу“.—

Какъ обмиравшіе, такъ и уведенныя лѣсовыми получаютъ иногда предсказанія относительно своей судьбы и судьбы близкихъ. Пропадавшій дровосѣкъ рассказывалъ подробно, какъ его

незнакомый старикъ завелъ въ непроходимый лѣсъ и все это время водилъ по лѣсу, показывая ему два колодца: въ одномъ были все змѣи, а въ другомъ вмѣсто воды кровь; предсказалъ, что онъ будетъ служить въ солдатахъ, а сегодняшнюю ночь привелъ его опять къ тому дереву, гдѣ былъ воткнуть топоръ. На вопросъ, чѣмъ онъ питался все это время, крестьянинъ отвѣчалъ, что старикъ кормилъ его хлѣбомъ, который еще и теперь лежитъ у него за пазухой; но когда сталъ вынимать его, тотчасъ вмѣсто хлѣба оказались гнилушки и мохъ. Черезъ десять лѣтъ крестьянинъ умеръ, а жена его и двое дѣтей живы и теперь.

Сверхъестественныя знанія и богатство получаютъ отъ лѣсового тѣ, кто окажетъ какую-либо услугу его дѣтямъ, прикроетъ ихъ, найдя въ лѣсу нагими. Всѣмъ присуще вѣрованіе, что у лѣсовыхъ есть дѣти, а нѣкоторые видѣли ихъ: лежать они, голенькія, въ люлькахъ, привѣшенныхъ къ вѣтвямъ ели или сосны. Если увидишь такого ребенка, нужно что-нибудь съ себя снять, покрыть ребенка и нести. Явится женщина, которая будетъ убиваться, упрашивать отдать ей ребенка, общая за него исполненія какаго угодно, но только одного желанія. Сейчасъ вамъ и разскажутъ примѣръ, что, дѣйствительно, такой человѣкъ разбогатѣлъ, благодаря ребенку, найденному въ лѣсу, а такой получилъ чудесное знаніе или сдѣлался знахаремъ. Въ ельнинскомъ уѣздѣ, смоленской губерніи, арищевской волости, деревни Блашевицахъ есть такое повѣрье: кто увидитъ лѣсовиху во время родовъ, тотъ долженъ что-нибудь набросить, не крестясь и не читая молитвы, на ея родившагося ребенка и тотчасъ же уйти. Лѣсовиха пойдетъ за этимъ человѣкомъ и все будетъ спрашивать, что ему нужно: денегъ или хорошей жизни. Кто попроситъ у ней денегъ, то она сейчасъ же насыплетъ ему цѣлый приполокъ денегъ, которыя, при выходѣ изъ лѣса, обращаются въ уголья. Но кто будетъ говорить, что ему ничего не нужно, тотъ всю жизнь будетъ пользоваться успѣхомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Поэтому народъ говоритъ про того, кто живетъ въ довольствѣ, что, вѣрно, онъ видѣлъ лѣсовиху во время родовъ. Только счастливый человѣкъ можетъ видѣть лѣсовика и лѣсовиху одѣтыми въ хорошую одежду; если кто увидитъ лѣсовика въ дурной одеждѣ, не будетъ счастья. Мужчины, увидѣвъ лѣсовиху и услышавъ ея голосъ, начинаютъ скучать и худѣютъ.

Приспанная дѣти, по мнѣнію народа, не умираютъ, а ихъ уносятъ лѣсовой и кладетъ вмѣсто унесеннаго ребенка чур-

бань или трупъ. Считается почему-то грѣхомъ колыхать пустую люльку—убаюкивать чорта. Говорятъ также: не тряси волѣномъ—не потѣшай чорта.

Слѣдуетъ избѣгать въ лѣсу лѣшаго и его кнута. Слѣды кнута лѣшаго остаются на травѣ и на грибахъ. За слѣды принимаются бороздки на поверхности грибовъ, оставленные слизнями. Поэтому, маленькихъ дѣтей, посылая за грибами, очень часто научаютъ не брать грибовъ съ трещинами и не ругаться, чтобы не случилось какого несчастья. Нехорошо также ступить на волчій слѣдъ. Волки, какъ и прочіе звѣри собачьей породы, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, расшаркиваются и, исполняя этотъ долгъ вѣжливости, сдираютъ съ почвы листья, оставая при этомъ примѣтный слѣдъ на землѣ. Говорятъ: кто ступить на такой слѣдъ—заболѣетъ. Такъ про заболѣвшаго обыкновенно и говорятъ: онъ вступилъ въ „звѣринный скрабъ“. Звѣриннымъ скрабомъ называется особая болѣзнь: по тѣлу появляются волдыри „вургонья“; больной испытываетъ нестерпимый зудъ.

Кто перейдетъ слѣдъ лѣшаго,—или блудитъ, или заболѣваетъ ломотою. Нехорошо въ лѣсу говорить громко и браниться: лѣсовой этого не любитъ. Разъ мальчикъ ведетъ на ночлегъ лошадей и разговариваетъ громко, къ нему подходитъ какой-то почтенный старикъ (вѣрно лѣсовой) и строго замѣчаетъ мальчику, что онъ не у себя дома, чтобы онъ велъ себя потише.

Старый охотникъ Марко приказываетъ своимъ дѣтямъ входить въ лѣсъ съ слѣдующимъ присловьемъ: „лѣсъ влѣстнѣй, хозяйнѣ частнѣй! Господи, Боже, благослови въ лѣсъ войти и съ лѣсу выйдти“.

Лѣсовой сердитъ и иногда непрочь бываетъ подраться. Одинъ крестьянинъ, блуждая по лѣсу, увидѣлъ около огня страннаго человѣка, котораго онъ принялъ за лѣсовика, лѣсовикъ оказался вспыльчивымъ и придиричивымъ, такъ что у встрѣтившихся завязалась драка. Незнакомецъ такъ ударилъ крестьянина по щекѣ, что тотъ пріѣхалъ домой со знакомъ и отъ испуга черезъ недѣлю умеръ. Но лѣсовой рѣдко вступаетъ въ открытую драку, а больше караетъ прогнѣвавшихъ его посѣтителей лѣса разными болѣзнями, ломотами, горячкою или такимъ помраченіемъ ума, отъ котораго человѣкъ блуждаетъ въ знакомомъ мѣстѣ. Для избавленія отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, надо молиться лѣсовымъ и власть имъ относить.

Въ лѣсовому же обращаются съ просьбой вернуть заблудившійся въ лѣсу скоть. Хозяинъ утраченнаго животнаго кладезь на перекресткѣ десять яицъ, кусоць сала, ковригу хлѣба и становится къ относу задомъ; знахарь очерчиваетъ его и закликаетъ духовъ разными голосами; послѣ чего хозяинъ, не оборачивая головы, возвращается назадъ домой. А весной, во время перваго выгона лошадей въ поле—на ночлежь,—крестьяне молятся лѣсному царю о сохраненіи лошадей отъ звѣря и всякаго случая: „Лѣсъ честной, царь богатый и многомилостивый! Спаси моихъ лошадокъ въ полѣ, за полями, въ лѣсу, за лѣсами, гдѣ онѣ ходять, гуляють, росу выпивають,—тѣмъ онѣ сыты пребываютъ. Вотъ тебѣ, лѣсъ честной, хлѣбъ соль и нивкѣй повлонъ“.

Лѣшій, или Честной Лѣса,—хозяинъ надъ всѣми звѣрями, а надъ волками по преимуществу. Волки—любимые звѣря лѣшаго. Въ народныхъ разсказахъ упоминается сивенькѣй старичекъ, съ предлинной бородой, пасущій волковъ. Этотъ старичекъ посылаетъ волковъ на скоть и для единоборства съ собаками; старичку неприятно, если собаки справляются съ волками: старикъ вступается за своихъ „собачекъ“ и убиваетъ ихъ противниковъ волшебнымъ прутикомъ.

Въ стадѣ волковъ, пасомыхъ старичкомъ, есть бѣлый, какъ снѣгъ, волкъ. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ волками предводительствуетъ бѣлый волкъ—это лѣсовой, принявшій волчинный видъ.

По народному мнѣнію, чтобы волки не нападали, при встрѣчѣ съ волчинымъ стадомъ, надо обратиться къ волкамъ съ рѣчью, называя ихъ молодцами: „Здрастуйтя, мыладцы! идитя вы, мыладцы, сваей дарогый, а я пайду сваей!“ Волки тогда посторонятся и пойдутъ, куда имъ нужно.

Въ Духовщинскомъ уѣздѣ полагають, что у волковъ есть свой хозяинъ—царь, бѣлый волкъ; по другому повѣрью, лѣсовой принимаетъ видъ бѣлаго волка. Если этотъ волкъ бросается на человѣка, то и всѣ волки на него бросаются и наоборотъ. При встрѣчѣ со стадомъ волковъ, нужно поклониться до земли бѣлому волеу, и волки не сдѣлають никакого вреда. Одному крестьянину пришлось поздно ѣхать по лѣсу; вдругъ онъ видитъ огонекъ; подъѣзжаетъ ближе—видитъ вокругъ огня цѣлое стадо волковъ, а надъ ними—хозяинъ лѣсовой. „Оставайся, мужичекъ, у насъ ночевать, сказалъ лѣсовой, все будетъ цѣло и сохранно“.—Мужичекъ поблагодарилъ на ласковомъ словѣ. Онъ зналъ, что перечесть хуже.

Мужикъ дали мѣсто у огня, а лошадямъ сѣна и соломы.

Утромъ мужичекъ сталъ предлагать плату за ночлеги.

„Мнѣ ничего не надо, возразилъ лѣсовикъ:—а вотъ моимъ волкамъ дай, что у тебя дома есть и чего тебѣ не жалко“.

Мужичекъ думалъ: „деревня моя далеко, и притомъ какъ же волки могутъ изъ хлѣва утащить корову—зѣдь теперь не лѣто: коровы не въ полѣ“. Черезъ нѣсколько дней прїѣзжаетъ мужичекъ домой.

— Ну, что у васъ все благополучно?—спрашиваетъ у домашнихъ.

— Все-то все! да вотъ на другой день, какъ ты уѣхалъ, погнали на водопой коровъ, и нашу лучшую корову разорвали волки—никакъ отбить не могли...

Молятся о сохраненіи стада не одному „Честному лѣса“, но и св. Егорію, а также и царю—бѣлому или сѣрому волку.

Водяной дѣдушка.

Водяного простой народъ представляетъ или старымъ дѣдомъ, у котораго борода по колѣно, или же получеловѣкомъ, или полурыбой. Въ послѣднемъ случаѣ водяной называется „навпой.“

Водяной можетъ превратиться въ какую угодно рыбу. Подъ водой у водяного есть великолѣпный дворецъ, изъ котораго онъ въ извѣстное время дня и ночи выходитъ на дно рѣкъ и озеръ, и здѣсь въ какомъ нибудь омутѣ или вирѣ ожидаетъ добычи.

Спасать утопленника, т. е. отнимать добычу у водяного, боятся, дабы не разгнѣвить дѣдушку-водяного. Купающагося человѣка водяной часто хватаетъ за ноги и старается его залить.

Особенно опасно купаться и ловить рыбу, по мнѣнію крестьянъ, въ полдень и полночь. Залившихся дѣвицъ водяной обращаетъ въ русалокъ.

Иногда водяной живетъ подъ мельницей; если онъ захочетъ, можетъ воспрепятствовать постройкѣ мельницы. Одинъ помѣщикъ вздумалъ выстроить на Днѣпрѣ какую то особенную мельницу на плотяхъ. Сначала работа шла очень успѣшно, но вотъ, однажды, просыпается помѣщикъ какъ-то на зарѣ и видитъ: по рѣкѣ, отъ лѣса, идетъ какой то высокій человѣкъ, весь въ бѣломъ; подходитъ довольно близко къ нему, да какъ ударить кнутомъ по плоту—гулъ пошелъ и шумъ кругомъ. Съ тѣхъ поръ пошли неудачи и постройка плотины осталась неоконченной.

Въ мѣстностяхъ болотистыхъ, по мнѣнію народа, водяной имѣетъ видъ горбатаго и бородатаго старика съ коровьими ногами и хвостомъ; не безопасно бродить по лѣсистому болоту во владѣніяхъ этого водяного. Этотъ водяной показывается людямъ, то въ водѣ, то близъ воды, въ видѣ сѣраго чудовища на четверенькахъ.

Водяные далеко отъ своего мѣстожителства не отходятъ, людей пугаютъ громкимъ хохотомъ и сильнымъ хлопаньемъ въ ладони; надъ заблудившимся они смѣются.

Русалки.

Русалки—молодыя, красивыя женщины, съ длинными до пять косами; живутъ онѣ въ лѣсахъ, болотахъ, но главное пребываніе русалокъ въ рѣчкѣ, въ какомъ нибудь глубокомъ омутѣ. На берегъ русалки выходятъ рѣдко, а если и вылѣзаютъ, то далеко отъ воды не отходятъ; онѣ заманиваютъ къ себѣ проходящихъ мимо мужчинъ, которыхъ больше всего прельщаютъ красотой и стараются зачекотать. Отъ нечего дѣлать русалки подшучиваютъ надъ рыбаками, скручиваютъ ихъ сѣти, вытаскиваютъ нороты на берегъ, въ неводахъ выворачиваютъ матню.

Русалки—души утопленницъ, мертворожденныхъ, или же дѣтей, умирающихъ некрещеными. До Духова дня онѣ живутъ въ водахъ; на Духовъ день русалки выходятъ изъ своихъ жилищъ и плещутся на поверхности воды. Тогда русалки могутъ заходить и далеко отъ мѣста своего обитанія, въ лѣса и рощи.

Цѣпляясь волосами за сучья и стволы, если эти деревья согнуты бурей, онѣ качаются какъ на качеляхъ, съ крикомъ: „ре-лі, ре-лі!“ или: „гутыньей, гутыньей!“

Заходятъ русалки въ поля и луга, заманивая прохожихъ поближе къ водѣ, чтобы потомъ ихъ утопить или зачекотать до смерти. Во всякое мѣсто могутъ зайти русалки. Остерегаются купаться на Духовъ и Троицынъ день.

На Кривой недѣлѣ опасно ѣхать одному чрезъ засѣянное рожью поле: русалки могутъ напасть и замучить.

Русалокъ не трудно узнать издали: онѣ походятъ на женщинъ съ длинными распущенными волосами.

Чтобы избавиться отъ нихъ во время нападенія, нужно начертить на землѣ крестъ, который обвести кругомъ чертою; въ этомъ кругу и стать. Русалки тогда не подступятся; походятъ, походятъ оволо черты, а потомъ и спрячутся.

Въ одной изъ духовскихъ пѣсенъ дѣвушки просятъ бабушку очертить ихъ волшебнымъ кругомъ и обсыпать овсомъ и хмелемъ:

А ты, бабушка Куприяноўна,
Ты жъ обчарти насъ залатымъ нажомъ,
Ты жъ абсѣй насъ ярымъ аўсомъ

(с. Черепово Росл. у.).

Абсѣй-ка насъ ярымъ хмелемъ,
Абчарти насъ залатымъ нѣжомъ!

(С. Скотинино См. у.).

Бабка обводитъ чертою дѣвушекъ, находящихся въ кругу, со словами:

„Хто ў чартѣ—то наши.
За чартою—то *ми* наши!“

Русалки, по народному представленію, существа жалкія, нуждающіяся въ пищѣ и одеждѣ:

На кривой барѣзи
Русалка сядѣла,
Рубацѣнки прасила:
— „Дѣвѣи-маладухи,
Стойця, рубашку дайця:
Хушъ худу-худеньку,
Давъ бялу-бяленьку.“

Существуетъ повѣрье, что на Духовской недѣлѣ ходять по лѣсу нагія женщины и дѣти; при встрѣчѣ съ ними нужно непременно набросить на нихъ платокъ или хоть какую нибудь тряпочку. Если же ничего съ собою нѣтъ, то нужно хотя оторвать рукавъ отъ платья и вынуть русалкамъ—въ противномъ случаѣ угрожаетъ неизбѣжная смерть. Въ подтвержденіе послѣдняго рассказываютъ, что одинъ мужикъ, встрѣтивъ въ лѣсу нагихъ дѣтей, хотѣлъ убить ихъ, но чуть поднялъ руку, какъ его скорчило, и онъ умеръ на мѣстѣ.

Повѣрье относительно русалочьихъ дѣтей, нагихъ, жалкихъ, стонущихъ, весьма распространено. Крестьянка с. Данькова Ѳекла Марковна мнѣ передавала слѣдующее:

„Я ѣхала черезъ лѣсъ со своимъ отцемъ; проѣзжая мимо одной большой ели, мы услышали жалкій стонъ, точно маленькія дѣти рыдали. Отецъ шепнулъ мнѣ на ухо:—„Это руса-

лочки дѣти плачутъ!“—Мы приермали мѣсто оволо ели платочкомъ, и плачь стихъ“.

Русалки принимаютъ участіе вмѣстѣ съ дѣвушками въ гаданіяхъ на Духовъ и Троицынъ день. Дѣвушки сплетаютъ себѣ вѣнки изъ живительныхъ и чародѣйственныхъ травъ: буковицы, полыни, любистика, черемухи и березы. На Духовъ день послѣ обѣда дѣвушки съ пѣснями и плясками завиваютъ вѣнки. Онѣ несутъ въ лѣсъ разныя кушанья, между которыми непременно должна быть яичница. Вѣнокъ остается завитымъ цѣлую недѣлю, въ продолженіи которой къ нему не подходятъ изъ боязни, чтобы русалки, качающіяся не зашевелили дерзкаго; если кому-либо встрѣтится крайность непременно идти неподалеку—отнюдь не долженъ видѣть то мѣсто, гдѣ этотъ вѣнокъ находится.

По окончаніи Русальной недѣли, въ первое воскресенье послѣ Духова дня, русалки оставляютъ вѣнокъ; пора ихъ наслажденій кончилась, и дѣвки ужъ безъ страха отправляются развивать его и раскумливаться. А до этого—

Хто вѣнокъ разаетъ,
Таго у врюкъ сагнетъ;
Авалѣить батька,
Аслѣпнитъ matka.

На заговини дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду и загадываютъ о женихахъ. Дѣвушка, вѣнокъ которой тонетъ, по народному повѣрью, должна умереть; по другому повѣрью, печальная участь постигаетъ ея жениха:

„А ўси вѣнки паверьхъ вады,
А мой патанулъ;
А ўси дружки съ вайны пришли,
А майго дружка нѣтъ!“

Въ селѣ Прыщахъ Рославльскаго уѣзда дѣвушки старались затянуть въ воду мужчину и выкупать его, если тотъ случайно приходилъ къ водѣ, къ мѣсту дѣвичьяго гаданія. Обычай этотъ, возникшій какъ-бы въ подражаніе русалкамъ, давно уже прекратился.

„Разъ мы, передавала одна женщина, покупали писаря и падмочили у него за пазухой какую-то бумагу. Писарь насъ затыгалъ по судамъ, и мы бросили съ тѣхъ поръ купать мужчинъ.“

На Семикъ крестьяне поминаютъ утопленниковъ, удушенныхъ, вообще людей, скончавшихся скоропостижно. Прежде и „проводъ“ такимъ умершимъ отпѣвали только въ этотъ день.

Мыть бѣлье на рѣчкѣ въ Семикъ не принято въ угоду залившемуся, потому что, если не изъ близкихъ, такъ изъ дальнихъ родственниковъ кто-нибудь былъ утопленникомъ.

По мѣнѣю крестьянъ Ельнинскаго уѣзда, русалки произошли отъ приспанныхъ дѣтей „присынушей“, вмѣсто которыхъ лѣсовые владутъ чурбаны.

Одна крестьянка приспала нѣсколькихъ своихъ дѣтей и, чтобы не приспать послѣднюю дочь, не ложилась съ нею спать даже тогда, когда та стала взрослою дѣвушкою. Наконецъ, дочь, будучи уже замужемъ, пріѣхала въ гости къ своей матери, которая ей говоритъ:

„Дачушка, ни разу я съ тобою не спала; ляжемъ теперь поспать вмѣстѣ.“

Дочь согласилась; въ ту же ночь мать ее и приспала. Послѣ похоронъ мать была безутѣшна; разъ пошла она въ поле и слышитъ тамъ голосъ: „пойди на Благовѣщенье въ церковь и, когда запоютъ херувимскую пѣснь, стань въ притворѣ у дверей; въ это время будутъ выходить всѣ черти; между ними будетъ идти и твоя дочь. Ты пропусти всѣхъ чертей мимо, а дочь свою хватай и держи до тѣхъ поръ, пока выйдетъ священникъ и начнетъ ее отчитывать!“ Мать сдѣлала такъ и привела свою дочь невредимою.

По крестьянскому повѣрью, во время обѣдни „черти-присыпальнички“ находятся въ церкви по лѣвую сторону алтаря. Когда священникъ, при пѣніи херувимской пѣсни, открываетъ царскія врата, черти испытываютъ страшное мученіе и спѣшатъ удалиться изъ храма, и, чтобы между присутствующими во храмѣ не спрятался чортъ, они должны въ это время стать на колѣни. Иногда и въ пропажѣ скотины бываютъ виноваты русалки. Погадають дѣды и скажутъ, что для того, чтобы отыскать пропавшую скотину, нужно положить относъ русалкамъ. Относъ этотъ дѣлается такъ:

„Сплети лапти, сидя въ лѣсу на пнѣ; разорви повую женскую рубаху и сдѣлай изъ нея онучи, и, вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью, всё это заверни въ чистую тряпку, перевяжи красной лентой и отнеси на перекрестокъ въ лѣсъ. Тамъ, положивши всё это на какое нибудь дерево, поклонись до земли, не крестясь, на всѣ четыре стороны и говори:

„Прошу васъ, русалки,
Мой даръ примите,
А скотинку возвратите!“

Крестьяне увѣрены, что пропавшая скотина возвращается только благодаря подобнымъ относамъ.

По народному мнѣнію, русалку можно поймать и привести домой. Вотъ одна легенда: „Мой прадѣдъ, рассказываетъ крестьянинъ, пошелъ однажды на Русальной недѣлѣ въ лѣсъ лыжи драть; на него тамъ напали русалки, а онъ быстро начерталъ крестъ и сталъ на этотъ крестъ. Послѣ этого всѣ русалки отступили отъ него, только одна все еще приставала. Прадѣдъ мой схватилъ русалку за руку и втащилъ въ кругъ, поскорѣе набросивъ на нее крестъ, висѣвшій у него на шеѣ. Тогда русалка покорилась ему; послѣ этого онъ привелъ ее домой.

Жила русалка у прадѣда моего цѣлый годъ, охотно исполняла всѣ женскія работы; а какъ пришла слѣдующая Русальная недѣля, то русалка снова убѣжала въ лѣсъ. Пойманныя русалки, говорятъ, ѣдятъ мало—больше питаются паромъ и скоро безслѣдно исчезаютъ изъ человѣческаго жилища.

Русальная недѣля почитается крестьянами какъ праздникъ: во время этой недѣли крестьяне работаютъ по утрамъ, а съ полдня совсѣмъ ничего не дѣлаютъ. Всю недѣлю стараются избѣгать слѣдующихъ работъ: не пашутъ, не сѣютъ, не выютъ веревокъ, не вьютъ боронъ, не прядутъ, не городятъ изгородей. По повѣрію крестьянъ, кто будетъ пахать въ эту недѣлю, у того скотъ будетъ падать; кто будетъ сѣять, у того градомъ побьетъ хлѣбъ; кто будетъ прядь шерсть, у того овцы будутъ кружиться; кто будетъ городить изгородь, вить веревки, вязать бороны, тотъ зачухнетъ, и согнетъ того въ дугу.

Дѣти лицъ, нарушившихъ Русальную или Кривую недѣлю, рождаются уродами; приплодъ скота у этихъ хозяевъ бываетъ ненормальный. Мальчики работали на русальной недѣлѣ; вдругъ пришла русалка и зачекотала ихъ до смерти. На Русальной недѣлѣ не пускаютъ дѣтей бродить около воды.

В. Добровольскій.

BESTIARY.US